

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. Вий.....	8
Глава 2. Касьян.....	34
Глава 3. Старичок-с-ноготок (I).....	64
Глава 4. Старичок-с-ноготок (II).....	157
V. Нейтральная позиция.....	157
II. Враждебная позиция.....	161
III. Положительное отношение.....	175
IV. «Борьба за огонь».....	192
V. Мальчик-с-пальчик.....	206
Литература.....	217
Сокращения.....	238

Многие из нас знают о Вие, так или иначе, из литературы или из кино. Этот демонический образ из украинской повести давно и прочно вошел в русскую «повседневную» мифологию и общекультурный фонд. Но демон ли это? И только ли украинский? Чем он известен еще, помимо сцены с его появлением, описанной Н.В. Гоголем? На эти вопросы искали ответы многие исследователи, найдя их во множестве. Книга подытоживает результаты научных изысканий XIX–XXI вв. Споры еще продолжаются, хотя бесспорно одно – Вий не персонаж демонологической прозы наподобие лешего или домового, но фигура куда более значительная. Многочисленные сказочные параллели позволяют углубить этот образ и расширить его географию. Мы имеем все основания говорить о традиции его почитания, о его высоком статусе в славянском языческом пантеоне. Эти слова требуется обосновать, шаг за шагом углубляясь с седую древность народных преданий, извлеченных автором из множества редких и малодоступных источников.

Поскольку данная книга является частью большого исследования «Чернобог: образ, культ, миф», пусть читателя не смущает упоминание глав, относящихся к основному проекту. Самоценность книги от этого не страдает, и работа полностью раскрывает обозначенную в ней тему. Для получения полного представления о фигуре Чернобога следует прочесть остальные две части нашего исследования, вышедшие отдельными книгами («Кощей» и «Чернобог»).

Помимо Вия и тождественного ему до степени смешения народно-православному св. Касьяну в работе разбираются две другие фигуры, им близкие, в частности, в плане продолжения в фольклоре образа славянского бога потустороннего мира Чернобога. Это фигуры старичка-с-ноготок и мальчика-с-пальчик. Это один и тот же персонаж даже для сказок, и автор постарается это доказать на фактах.

Предисловие из монографии «Чернобог: образ, культ, миф». Начиная с этой главы, мы приступаем к рассмотрению образов, понимаемых нами как фольклорные отражения / продолжения мифологической фигуры Чернобога. За века, прошедшие со времени христианизации славян, традиционная духовная культура претерпела существенные изменения и понесла при том колоссальные утраты. Не в последнюю очередь это коснулось имен богов, поскольку всяческие проявления веры в них преследовались властями и церковью. Невозможность открыто отправлять культ так, как того требует обычай – на священных местах, у изображений, в освященные традицией даты, с приношением даров, произнесением молитв и пением песен, – неминуемо ведет сначала к маргинализации культа, а потом и исчезновению его из реального бытования. Нет культа – исчезнет и само имя, как это произошло в Греции, где сейчас в фольклоре не найти ясных следов веры в олимпийцев. Если бы не многочисленные памятники, археологические находки и записи в древних текстах, то на основании современных сказок, легенд и песен мы не смогли бы сколь-либо надежно реконструировать мифы и обрядность древних греков.

Эту картину мы как раз и имеем применительно к славянскому миру. Тексты, если и были, уничтожены как «ложные и отреченные книги», устная традиция прервана с гибелью профессионального жречества, археологические находки редки, а те, что есть, порой ставятся под сомнение. Отголоски древней веры сохраняются, но это всегда осколки, бледные тени былого величия. Греки еще помнят Харона, но он едва ли напоминает того мрачного старца, которого описал Вергилий в «Энеиде». Чернобог, будучи одним из двух главных героев такого важного для традиционной культуры и мировоззрения мифа, как дуалистический, не мог исчезнуть бесследно. Его фигура слишком значима для языческого мира, чтобы не удержаться в памяти, пусть и изрядно трансформировавшись. Мы уже рассматривали такие фольклорные жанры, как предания,

легенды, пословицы и фразеологизмы, отмечая сохранность в них образа темного демиурга дуалистического мифа. Поздняя традиция именует его чертом, Сатаной, Иудой и Антихристом, уподобив противнику христианского Бога. Удобно оттеняя благообразного и правильного Бога, черт выступает грушей для битья, поскольку на него легко вешается ответственность за все плохое в этом мире. Именно наличие в христианской мифологии антагониста Бога, а также необходимость объяснять несовершенство мира, позволило уцелеть целому пласту дуалистических мифов, трансформировавшихся в предания и легенды, а также отразившихся в пословицах и фразеологии.

Однако, как мы полагаем, не все мифы о Черном боге связаны с дуалистическим противостоянием. Тексты, где он действует не как противник светлого демиурга, очевидно, послужили источником сюжетов для народных легенд и сказок, не упоминающих Бога или говорящих о нем вскользь, но в которых есть яркий демонический персонаж, конфликтующий с главным героем. Эти демоны – непременно фигуры самобытные, запоминающиеся, почти всегда детализированные и обычно антропоморфные. Их значимость для сюжета и обнаруживаемые им параллели свидетельствуют об архаичном происхождении этих образов, имя же Чернобога эти фигуры удержать не могли, поскольку фольклор – жанр, постоянно обновляющий и актуализирующий свою «внешнюю» часть. Когда из быта исчезают луки, через 200 лет упоминание о них исчезнет и из фольклора, а вместо луков мифические и эпические герои обзаведутся ружьями: укр. *«Кажуть, що грім гремить, так Ілля по небу їзде; а як ударе, так то Ілля вистріле із свого ружжя золотою стрілкою, а воно і загуде до разу, як наче хто вистріле»* (Дикарев, С. 136), лит. *«Перкунас – это старый кузнец. Ему бог поручил делать ружья и стрелять в вельнясов»* (Лауринкене, С. 237). А ведь в обоих примерах речь идет о громовержце, так что ружье заменило даже не лук, а молнию. Такова вариативность глубины исторической

памяти – сюжет может быть древнейшим, но нюансы его или оформление его приведены в соответствии с текущей действительностью. Имя – такая же деталь, которая легко сменяется, именно поэтому в вариантах сказки на один сюжет героя не зовут одним-единственным именем «Иван». Во всех случаях, когда у фольклорных отражений Черного бога есть имена, мы обсудим их с учетом современного состояния вопроса. Но почти все они оказываются описательными, и таким образом снимается вопрос о том, почему именно это конкретное имя заменило имя Чернобога (такое же описательное). Имя «Чернобог» исчезло, а фольклорная версия темного демиурга получила название по какой-то своей характерной черте. Миф с участием темного создателя, равно как и множество иных мифов, перешел в жанр сказок и легенд; действующие лица мифа из богов и полубогов-героев превратились в колдунов и богатырей, в святых и чертей; то, что было сутью серьезного мифа, стало сказочной выдумкой, чем-то несущественным и развлекательным.

Глава 1

Вий

Начнем с небезызвестного Вия, чье имя использовал Н.В. Гоголь в качестве названия своей повести: «Тяжело ступал он, поминутно оступаясь, **длинные веки опущены были до самой земли**. С ужасом заметил Хома, что лицо на нем железное. Его привели под руки и прямо поставили к тому месту, где стоял Хома. **«Подымите мне веки: не вижу!»** – сказал подземным голосом Вий, – и все сонмище кинулось подымать ему веки». До сих пор не утихают споры: выдумал ли все это мистификатор Гоголь, использовал ли он реальные фольклорные тексты, что означает имя «Вий», да и означает ли, если сюжет с ним поддельный? Разбору этих вопросов, содержащих аргументы «за» и «против» с критикой оппонентов, посвящено множество статей. Мы придерживаемся версии, что писатель отразил реально слышанное имя, а в произведении соединил вместе два элемента, хорошо известных народной традиции: 1) сюжет об отчитывании покойницы и нечистых, ищущих притаившегося героя (СУС 307: Аф, № 367); 2) образ демонического существа со смертоносным взглядом. В поздних записях украинских сказок эта сцена встречается именно с упоминанием дефекта зрения, но, вне всякого сомнения, она обусловлена как раз гоголевским Вием и потому не доказательна: *«Привели того Луцифера, а то такой старий, уже сліпий. Знаєте що, – каже Луцифер, – я так його не годен найти. Ану підойміть мені кліпки, щоб я поникав добре». Прийшли дві відьми та підняли йому мало кліпки»* (Зинчук 22, № 16).

Сам Гоголь писал: «Вий – есть колоссальное создание простонародного воображения. Таким именем назывался у ма-

Кадр из фильма «Вий» (1967 г.)

лороссиян начальник гномов, у которого веки на глазах идут до самой земли. Вся эта повесть есть народное предание. Я не хотел ни в чем изменить его и рассказываю почти в такой же простоте, как слышал». Это, как кажется, прямое утверждения писателя о источнике его вдохновения, и нет причин считать, что он водит читателя за нос. Да, множество подробностей облика, которыми снабжен гоголевский Вий, вероятнее всего являются плодом воображения писателя, которому требовалось нагнетать побольше ужаса в мистической повести. Вий призе-

мистый, косилапый, с жилистыми, как крепкие корни, руками и ногами, весь в черной земле, с железными пальцами и лицом, подземным голосом и длинными веками, опущенными до земли (Левкиевская, С. 88). Из всего этого к Вию должно было иметь отношение лишь последнее – главная непреходящая черта демона с волшебным взглядом. Все остальное может сколь угодно варьироваться, а потому несущественно. Для крестьянина этой детали было достаточно для того, чтобы испытать ужас, все остальные черты его воображение могло дорисовать самостоятельно или не дорисовывать вовсе. Для образованного читателя-горожанина одной детали было бы явно недостаточно, литература обязана давать больше пищи воображению, не зря уделяя немало строк детальному описанию внешности персонажей. Читатель должен не сам придумать чудовище, но увидеть его глазами писателя. Гоголь именно так и поступает – конструирует монстра. Е.Е. Левкиевская напоминает, что взгляд Вия – не смертоносен, а всевидящ (Левкиевская, С. 89). Это абсолютно верно, и большинство славянских вариантов Вия действительно не убивают взглядом, но только обладают сросшимися бровями-ресницами-веками, которые приходится поднимать с помощью приспособлений. Смерть приносит взгляд некоторых других персонажей, подобных Вию – их веки также приходится приподнимать. Убедительная этимология имени Вий предложена О.Н. Трубачевым как обратного производного от укр. *вія*, *війко* «ресница» = *Вий* «имеющий веки / ресницы» (Трубачев, С. 43). Однако и она оспорена: «В качестве возражения против этой, казалось бы, убедительной в своей прозрачности этимологии укажем на то, что в славянских языках мы не найдем такого способа номинации мифологических персонажей, т.е. обратных производных от названий, мотивированных частями тела» (Гура 2012а). Указывается и на то, что словари украинского языка не фиксируют слово *вія* ранее выхода повести Н.В. Гоголя «Вий» (Шаяхметов Р. Об отсутствии в украинском языке понятия *вій* и времени фиксации в словарях онима *вій* // Toronto Slavic Quarterly. № 38, 2011). Логика этого

возражения не совсем понятна. Во-первых, первая фиксация не равна времени возникновения. Во-вторых, аналогичные слова имеются в других славянских языках: рус. *веко* «веко, ресница», блр. *вейка* «ресница», ст.-чеш. *vějíčka, rověje* «веко».

Но есть и еще одна возможность объяснить это имя, причем не сбрасывая со счета и версию Трубачева. В польских источниках упоминается бог загробного мира, имя которого на латыни транскрибировалось как *Nuja, Nija, Nua* и, вероятно, звучало как Ний / Ный. Впервые о нем упоминает историк Я. Длугош (XV в.): «Плутона они именовали Ниа, считая его богом преисподней и хранителем и стражем душ, после того как те покидают тела. Они просили его вывести их после смерти в лучшие места преисподней и построили ему первое святилище в городе Гнезно, к которому стекались люди со всех мест» (Анналы). Впрочем, указывают и на предшественника Длугоша – польского богослова и проповедника начала XV в. Лукаша из Великого Козьмина: «В своем сборнике проповедей «Постилла» о культурах Яши, Лады и Ныйи, а также о культе божества по имени *Quia*, в названии которого легко угадывается искаженное слово *Nua* /.../ Лукаш ссылается на свидетельство «одной хроники». Во всяком случае, мы встречаемся здесь с рассказом, возникшим намного раньше сочинения Длугоша и поэтому совершенно от него независимым» (Былина, С. 32-33). Вслед за Длугошем повторяет М. Стрыйковский (1582): «Бога ада Плутона, которого звали Ниа (*Nia*), почитали вечер[ним богом] и заранее просили у него после смерти лучшего места в пекле и дождей или усмирения непогоды» (Хроника). Свидетельство о наличии у славян божества потустороннего царства весьма ценно для нашего исследования, поскольку в таковом качестве, как можно думать, почитался и Чернобог, и тогда Ний – его локальное польское имя. Как пишут В.В. Иванов и В.Н. Топоров, «есть основания полагать, что, несмотря на многие неточности и вымыслы, список Длугоша отражает мифологическую реальность. Прежде всего это отнесется к *Nua* (имя, видимо, того же корня, что и русское «навь», «смерть»)»

(Иванов-Топоров 1988, С. 454). Имеется достаточный словарный материал, поясняющий праслав. **navь* / **navьjь* / **navьja* / **navьje*: с.-хорв. *nav* «мертвец», *navje* «царство мертвых», словен. *nav* «согласно языческим верованиям, душа умершего», ст.-чеш. *náv*, новообразование *náva* «могила, потусторонний мир, ад», *náv* «загробный мир, царство мертвых, преисподняя, ад», словц. *náva* «загробный мир», *nava* «место обитания добрых душ», др.-русск. *navь* «мертвец, труп», рус. устар. и обл. *navь* «поднявшийся из могилы мертвец, обитатель загробного мира»; стар. и южн., орл., калуж. и др. *navь*, *navей*, *navий* «мертвец, покойник, усопший, умерший» (ЭССЯ 24, 49–50); согласно «чешским преданиям, *nav* = страна усопших» (Афанасьев 3, С. 262–263). Итак, имя Ний – вариация слова *navь* и по смыслу должно читаться как «Н(ав)ий», «тот, кто в нави (смерти)», «принадлежащий нави (смерти)». Это позволяет утверждать, что *Navь* было славянским названием мира мертвых, а его властителя называли по назначенному ему уделу, либо удел был назван по нему, если принять форму *Navьe*. Созвучие имен *Ний* / *Вий* очевидно, так что ожидаемо появилась и гипотеза, связывающая одно с другим. Д. Молдавский полагает, что Гоголь был знаком с мифологическими опытами М. Попова, М. Чулкова и Г. Кайсарова, упоминавших Ния. Обыгрывая слово *вия* «ресница», писатель де и произвел имя *Вий* «из имени подземного бога, фигурировавшего во всевозможных «мифологиях»» (Молдавский 1990, С. 153-154). Возможно, это и так, и в таком случае вымыслу Гоголя принадлежит одно лишь имя, в то время как сам персонаж народный.

В славянском фольклоре веками (бровями), подобными тем, что имеет гоголевский Вий, обладают персонажи исключительно демонические, за одним нейтральным исключением («царь-лев»).

В русской сказке, являющейся пересказом былины, такой чертой наделен отец противника трех богатырей: «У Соловьѣ был отец Мамаиши погано. У его брови не подымались, за-слали глаза-те. /.../ «Подымите брови-те у меня, посмотрю я,

какой он телосложением, Илюша», буквально через пару мгновений «Илюша взял свою иляпу, как мазнул его. Мамаишио как коровьё говно россыталса» (Ончуков Неизданное, № 31, С. 102). В белорусском варианте богатырь Илья (Ильлюшка) убивает сидевшего на двенадцати дубах «нягидного» Сокола (= Соловья), поставившего людей на съедение царю-людоеду Прожору, а потом идет к самому царю: «*А ен быв крэпко жиран: дак вочи у яго заплыли и бровы заросьли, и ен ничего ня видзев. Дак ен говора: «Слуги мое верныя, **подымиця мне вилкамі бровы!**»» (Романов 3, № 44, С. 261). Увидав Илью, царь пугается, хочет подкупить его пиром, но тщетно: «*Не хоциць Ильлюшка ничего /.../ схавив з головы свою шапку – двананицаць пудов, як ударив /.../ Убив ен нягиднаго Сокола и цара Прожора, и оцисцив свет*». Сам Илья, по всей совокупности данных, – это громовержец Перун, противником которого исследователи называют Велеса. И черты Велеса отдельными учеными обнаруживаются как раз в Соловье-разбойнике...*

Один из сыновей царя отсулен им волшебнику и должен к тому отправиться выполнять его поручения. Волшебник встречает его, сидя в кресле: «*«Слуги-холуи! **Поднимите с моих глаз веки железными вилами...**» Слуги подняли ему веки, и открылись у него бельмы»» (Верещагин 4/2, № 12). Герой сбегает от него и волшебник «*заскрежетал зубами, как сатана в преисподней*». В другом варианте отсуленного требует Морской Царь, и когда герой сказки сбегает от него вместе с сестрой, владыка моря говорит: «*Нут-ка, чернорабочие, **откройте свои** (должно быть «мои», – Б.Г.) **черны брови**. А я на своих людей буду смотреть» (Гончарова, С. 213).**

В богатырской сказке, вторящей былинам, противник богатырей Идол Идолыц говорит: «***Принеси-ко те мне семеры вилы: здыните мои брови: я погляжу на них***», и потом, взглянув на Алешу Поповича и Добрыню Никитича, продолжает: «*Я на одну руку посажу, и с коням, – говорит, – другую хлопну: одна грязь будет!*» (Зеленин Вят, № 100). Алеша убивает его аккуратно после этих слов: «*Поднял он выше себя, в пол ево воткнул*

головой. А он не велик: три аршина в крыльцах (плечах), пал-тара аршина во лбу, три четверти нос». Аршин = 71 см, четверть = 17.7 см. Можно представить и рост, при ширине плеч больше 2 м.

Мать убитых змеев заманивает пьяного героя к демону, чтобы тот наказал его за гибель ее сыновей: рус. «*приводит она ёго к подземельному царю Семеры-Вилищам /.../ Ну-ко, – горит, – **принесите мои семеры вилищи и ростенити мои бровищи, я посмотрю, какой ёму наказаньё дать***» (Коргуев 2, С. 513). Упоминание наказания – едва ли не отсылка к функции бога потустороннего мира, определяющего душам умерших надлежащие им кары. Демон требует привести ему Елену Красу Золотую Косу; когда ее приводят, то, чтобы посмотреть на нее, царю «*ростянули длинные бровищи*». Он сгорает в яме со смолой (еще один признак потустороннего мира), угодив в хитрую западню: герой «*вернул колесо и Семеры-Вилищи полетел в яму и сгорел там в смолы*». Данный образ наделен весьма значимыми чертами: у него высокий статус царя, который в фольклоре может замещать прежний божественный статус персонажа; владеет он подземным царством, что, безусловно, есть потусторонний мир; имя же его – даже не производное от особенностей внешности, но от инструментов, которыми ему поднимают брови.

Демон крадет у героя щит, и тот вынужден идти на его поиски: «*В лесу стоит Пехтимкова изба о трех углах. Отпер Искорка двери и видит: Пехтимко сидит в одном углу, ноги упер в другие два угла, а на потолке щит лощен повешан «для басы». Искорка снял шапку, помолиться некуда, ну поклонился очесливо и говорит: «Здорово живете!» У Пехтимка **брови, как сенные зароды повесились, он ничего и не видит**. Он говорит своей жене: «**Подыми-ко мне брови**». Та **вилами их подняла**, Пехтимко увидал Искорку и говорит: «А, добро пожаловать, Искорка, садись на лавочку». Искорка и говорит: «Ты пошто, Пехтим Иванович, у меня щит лошон унес?» Пехтимко и давай хохотать: «Не спи, говорит, долго; пошто*

долго спишь?» Ну хохотал-хохотал, наконец того и говорит: «Я тебе, пожалуй, и отдам, его, нашто мне ево, бабам «для басы» принес. Только ты мне привези невесту – дочь царя Юнделя, Марфиду Юнделевну»» (Серебренников, № 9, С. 118; Серебренников 1928, С. 129). Герой добывает девицу, демон же гибнет в огне, приготовленном им для героя: «Пехтимку неохота отдавать щит лощен. Он приготовил пропасть с огнем, через пропасть положил тоненькую жердочку»; герой переходит, а сам Пехтимко – нет: «Дошел до середины, Марфида Юнделевна взяла да ножкой столкнула жердочку. Пехтимка и упал в огонь».

Ведьма утаскивает героя «в подземелье и привела к своему мужу – старому старику. /.../ Старик лежит на железной кровати, **ничего не видит: длинные ресницы и густые брови совсем глаза закрывают**. Позвал он двенадцать могучих богатырей и стал им приказывать: **«Возьмите-ка вилы железные, подымите мои брови и ресницы черные, я погляжу, что он за птица, что убил моих сыновей?»**» (Аф, № 137). Он требует добыть ему в жены «царицу золотые кудри», герой выполняет задачу, но предлагает соперничество – царицу получит тот, кто перейдет преграду: «у меня приготовлена яма глубокая, через яму лежит жердочка»; царица тихо произносит: «Легче пуху лебединого пройди!», и герой проходит переправу, «а старый старик пошел – только на середину ступил, так и полетел в яму». Возможно, вождеваемая демоном царица говорила ему под руку пожелание тяжелой поступи, а в контексте потусторонней обстановки (подземное царство, мост-переправа) ее пожелание герою звучит созвучно ритуальной фразе, произносимой на похоронах: «Пусть тебе земля будет пухом» (Стишева, С. 174).

Двенадцатиглавый змей, свекр богатыря, слышит шум, когда тот убивает его сына. Желая узнать, что случилось, змей требует у дочери: «Возьми вилы, да **подыми мне веки** – я посмотрю, что делается», но она раскаленными вилами выжигает ему глаза (Бутова, С. 136).